

БЕЗ ОБМЕНА ИНФОРМАЦИЕЙ НАМ ГРОЗИТ КУЛЬТУРНАЯ ПРИМИТИВИЗАЦИЯ

Русскоязычному населению бывших союзных республик грозит культурная примитивизация. Если пластические формы бытия становятся все разнообразнее, то его смысловое содержание, культура мысли – и в советское время не получавшая должного развития, все больше обедняется, становится бессловесной.

Требуется уточнения, почему и в советское время? Потому, что культура мысли, как никакая другая, связана с языком. И русскоязычный (не русский) человек со своим максимумом языковой практики, исчисляемым семидесятью годами, всегда был в более уязвимом положении, нежели его сверстник – русский по происхождению. И в нравственном отношении культура мысли, в исторической перспективе всегда питаемая трансцендентностью личности, в любом случае связанной с его этнической религиозной принадлежностью, – в советское время предполагала апеллирование только к христианским (в их православном толковании) истинам. Сознание непринадлежности им – вот вторая причина уязвимости русскоговорящего. Надэтническая же трансцендентность духовного мира, могущая выступить объединяющей силой, в обществе не приветствовалась, как впрочем, и этническая православная, которая лишь подспудно оказывала влияние на культуру мысли.

Предположив, почему в советское время культура мысли не получала возможного развития в национальных провинциях (повторяю, речь не идет о людях, для которых родным оставался национальный язык), перейдем к сегодняшнему дню. Культура мысли, как мы уже говорили, предполагает наличие исторической традиции, прослеживающейся в прошлом и имеющей перспективы. Нить этой традиции была однажды оборвана. Сейчас она оборвана вторично. Люди, живущие на сломе эпох – жертвы, даже если сами не осознают этого.

Пусть границы, возникающие между новыми государствами достаточно прозрачны, в культурном плане каждый следующий день закладывает в них кирпич. Культура мысли всегда предполагает наличие обмена между ее субъектами. И если такового нет, то личность вырывается из мирового культурного процесса, неизбежен "культурный провинциализм". Люди, владеющие русским языком, до сих пор имели доступ к умам миллионов, даже если они жили в закрытом обществе. Это все равно предполагало наличие какого-то культурного пространства, в какой-то мере оторванного от мирового культурного процесса, но более близкого к нему, чем сейчас. Пусть даже знания о мировых достижениях человеческой мысли мы черпали из критических материалов, которые, развенчивая, то или иное направление, излагали нам и его суть.

Многострадального Фрейда в Советском Союзе могли обзывать как угодно, но любой человек, считающий себя интеллектуалом, стремился узнать, в чем суть его учения. В царстве соцреализма слова экзистенциализм, сюрреализм – могли считаться почти неприличными, но книги Камю, Кафки, Сартра, Кьеркегора, альбомы Дали – передавались, как флаг, в некой снобистско-интеллектуальной эстафете. Парадоксально, но они становились еще более культовыми и притягательными, а потому, наверное, и завоевали здесь больше поклонников, чем на Западе, где были лишены ореола запретности.

Существовало замечательное издательство "Политическая литература", которое, выпуская книги серий "Критика буржуазной идеологии и ревизионизма" или печатая Борхеса в "Атеистических чтениях", планомерно знакомило нас со всем, стоящим внимания в мировом культурном процессе. Очень жаль, что расстаемся мы со своим

прошлым опять по–большевистски. "Мы наш, мы старый мир разрушим до основанья, а затем..." и полное осознание потерь достижений в области образования нам еще предстоит. Не знаю, что теперь издает "Политиздат", но узнавать в прежних масштабах, что сейчас волнует интеллектуальную элиту человечества, нам уже недоступно. Напоминаю, речь идет о русскоговорящей части населения. Если раньше Россия была для нас своеобразным посредником в приобщении к достижениям всей мировой культуры, то сейчас русский язык – не гарантия приобщения даже к высотам русской культуры. Ибо посреднические нити, связывающие нас с ней, обрываются, в лучшем случае, примитивизируются. Среди них – средства массовой информации, кино, театр. Где толстые журналы, которые сегодня печатая что–то стоящее, завтра становились дефицитом, несмотря на сотысячные тиражи? Где интеллектуальные фильмы, благодаря массовому прокату, становившиеся культовыми для целых поколений? Где театральные постановки, посредством телевизора становящиеся доступными каждому? Всего этого нет и уже не будет. По крайней мере в том масштабе, к которому мы привыкли. Все средства массовой информации сейчас просто продают памперсы и шампуни (а с чем легче всего проглатывается реклама, не мне вам объяснять), являясь правофланговыми лишь одной идеологии – идеологии потребления. И даже если по ним мы услышим, прочтем о чем–то достойном внимания, само явление нам недоступно. Мы можем услышать о Букеровских лауреатах (теперь уже Букеро–Smirnoffских, симпатично?) – их книги нам уже недоступны. Они и в России мало кому доступны, а кто их повезет к нам? Культура мысли и во все времена была достаточно кастовой, сейчас она станет уделом единиц. Но ведь именно ею в большей степени связано русскоязычное население бывших республик с Россией. И если "вялый" атеизм, православие достаточно комфортны в русскоговорящем пространстве, то уже принадлежность к другим конфессиям, будь то иудаизм, буддизм, мусульманство, – рождает необходимость в овладении другими языками.

Где и что вы можете услышать, прочесть, прочувствовать на русском языке, если вы русскоязычный католик или мусульманин? Самое смешное, что в России, если она не хочет терять своих позиций в бывших республиках, нужен "Политиздат" в широком смысле. Нужна выверенная национальная политика, которой у нее нет, несмотря на все разговоры о ее необходимости, которые периодически возникают. Иначе падет ее последний оплот: русскоговорящее население. Останутся лишь экономические рычаги, которыми будет очень трудно манипулировать.

**Гюльнара АЛАИ,
Баку**